

firefly

ЧЕРТОВ ГЕРОЙ
ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ДЕВЯТКА
МАШИНА ИЛЛЮЗИЙ
ПОКОЛЕНИЯ
ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

LIFE SIGNS

firefly

by James Lovegrove

ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

firefly

ДЖЕЙМС ЛАВГРОУВ

fan_zon

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Л13

James Lovegrove
FIREFLY: LIFE SIGNS

© 2022 20th Television

This translation of Firefly Generations, first published in 2022, is published by arrangement with Titan Publishing Group Ltd

Cover Design by Natasha MacKenzie

Лавгроув, Джеймс.
Л13 Firefly. Признаки жизни / Джеймс Лавгроув ; [перевод с английского М. Головкина]. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-160514-8

Спустя месяцы после того, как Инара покидает «Серенити», Мэл наконец узнает шокирующую причину: компаньонка умирает от рака, и времени осталось очень мало.

Экипаж в отчаянии ищет информацию, которая может помочь. Эксперт-онколог Эсо Вен, как говорят, разработал метод лечения, но был дискредитирован и осужден на пожизненное заключение. По слухам, он на Атате — печально известной тюремной планете Альянса. Арестанты там находятся без охраны и выживают как могут. Более того, терраформирование планеты не закончено, так что мир представляет собой мерзлую пустошь, населенную озверевшими мутантами. Чтобы спасти Инару, команде «Серенити» придется в очередной раз совершить невозможное...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-160514-8

© М. Головкин, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Кэт Камачо,

благодаря которой
мы продолжаем летать

Я дрался и боролся с обнаженным Севером,
Я научился защищаться и бросать вызов.
Мы сражались плечом к плечу,
Но Природа всегда побеждает.

Роберт У. Сервис
«Сердце старожила»

«Когда кажется, что одержать победу невозможно, у солдата есть выбор: продолжать борьбу или смириться с неизбежностью. Отличить одно от другого порой очень сложно», — генерал «бурых» Уильям Хьюберт Коул о битве в долине Серенити.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

События данного романа
разворачиваются в промежутке
между сериалом «Светлячок»
и фильмом «Серенити».

— Ты знаешь, что у тебя лицо перевернутое?
— А?

— Перевернутое лицо. Ну, ты понимаешь.

— Нет, не очень.

— Лысина сверху, борода снизу. Если встанешь на голову, тогда твое лицо будет выглядеть нормально.

— Ты шутишь, что ли?

— Просто делюсь наблюдениями. Но, конечно, в данный момент, с моей точки зрения, твое лицо выглядит нормально.

— Ты скоро умрешь. Вряд ли это самое подходящее время для того, чтобы хохмить.

— Самое подходящее время, чтобы хохмить — это перед смертью.

Так разговаривали двое мужчин: Малькольм Рейнольдс — капитан «Светлячка», бывший мятежник, плут и буканьер, и некий Дезмонд Роло — наемный убийца.

Первый, опутанный веревкой, висел вниз головой, привязанный к ветке высокого мескитового дерева. Второй стоял перед ним, размахивая длинным охотничьим

ножом. Была ночь. Пели цикады. Собеседников освещали три луны, а также фары припаркованного рядом двухместного кабриолета на воздушной подушке.

Пару часов назад эти двое встретились в лесной хижине недалеко от города под названием Одинокая Скала. Это было на Одессе — периферийной планете, от которой в три прыжка можно добраться до пояса астероидов Уроборос. Роло упомянул, что у него есть одна работенка — нужно перевезти какой-то груз — и это было весьма кстати, ведь прибыльных контрактов у Мэла и его команды было раз, два и обчелся.

Роло потребовал, чтобы на встречу Мэл пришел один — никаких помощников, никаких подкреплений. Сказал, что он человек тихий и хочет переговорить с Мэлом с глазу на глаз, без лишнего шума. «Отведи собеседника в сторонку, посмотри на него как следует, выясни, что это за человек — вот метод Дезмонда Роло».

Они выпили бурбона и скрепили уговор рукопожатием. Внезапно у Мэла закружилась голова, словно он спустился на сто этажей на экспресс-лифте. Он встал из-за стола, потянулся к оружию...

И потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что его повесили на мексиканском дереве словно огромную пиньяту. Это было плохо. Но еще хуже было то, что его глаза находились приблизительно на одном уровне с промежностью Дезмонда Роло. На штанах Роло виднелись бледные засохшие пятна, и Мэлу не очень хотелось думать о том, откуда они взялись. Он надеялся, что это просто сало.

— Итак, мистер Рейнольдс, — сказал Дезмонд Роло. — Наверняка вы хотите знать, почему вы здесь и почему вы связаны.

— Да, подобная мысль у меня мелькала.

К голове Мэла прилила кровь. У него стучало в висках, а пазухи ныли.

— Полагаю, ты подмешал в выпивку снотворное, притащил сюда, в глушь, и привязал к ветке не для того, чтобы поговорить... даже не знаю... о философии, — продолжил Мэл. — Но если это не так, тогда прошу прощения за то, что неправильно оценил ситуацию. На любителя философии ты не похож.

— Ты здесь, — сказал Роло тоном человека, у которого вот-вот лопнет терпение, — для того, чтобы умереть. Проще я объяснить не могу.

— Это был мой второй вариант. Если не философия, значит, смерть. Обычно так и бывает — либо одно, либо другое.

— Хочешь узнать, почему ты умрешь?

— Было бы странно, если бы это меня ни капельки не интересовало.

Роло присел на корточки, и двое мужчин оказались нос к носу. Это было лучше, чем нос к паху — по крайней мере, в плане картинки. К сожалению, у Роло были ужасные зубы и изо рта скверно пахло.

— Потому что ты разозлил богатого и влиятельного человека и он хочет тебе отомстить, — сказал Роло.

— Хм.

— И это все, что ты можешь сказать? «Хм»?

— Дело в том, что за свою жизнь я разозлил немало людей и в том числе богачей.

Роло с умным видом кивнул.

— Мы с тобой знакомы всего пару часов, но я уже понимаю, как такое могло произойти.

— Так что список кандидатов нужно сократить, — добавил Мэл. — Кто он?

— Имя Дюрран Хеймер тебе что-нибудь говорит?

Дюрран Хеймер. Бывший эксперт по биологическому оружию. Человек, который богаче Бога. Заядлый коллекционер артефактов, вывезенных со Старой Земли. Владелец редкого, антикварного лазерного пистолета «Ласситер» — точнее, бывший владелец, ведь вышеупомянутое оружие попало в руки Мэла после череды событий, которая началась со встречи Мэла с другом и однополчанином по имени Монти, а закончилась тем, что Мэл оказался посреди пустыни — голый.

— Никогда про него не слышал, — ответил Мэл.

— Забавно. А вот он тебя знает. Говорит, что ты забрал у него очень дорогую для него вещь.

— А, *этот* Дюрран Хеймер. Ну, если подумать, то я, возможно, действительно избавил его от одной пушки.

— От одной пушки? — кисло усмехнулся Роло. — Про оружие разговора не было. Нет, ты забрал у мистера Хеймера нечто более дорогое. Женщину. Точнее, жену. Любовь всей его жизни.

То есть женщину, которая называла себя Иоландой, Сэфрон и Бриджет — хотя, несомненно, у нее было много других имен. Она была воровкой, аферисткой и, возможно, — когда-то — компаньонкой. Мэл восхищался ею и ненавидел ее. Кроме того, он считал ее чертовски привлекательной.

— Эта так называемая любовь всей его жизни сбежала от него и вернулась шесть лет спустя — и только затем, чтобы его обокрасть, — сказал Мэл. — Даже если я как-то помог ему ее лишиться — а это не так, — то, строго говоря, я оказал ему услугу. И раз уж речь зашла об услугах...

— Что?

— Ты не мог бы снять меня с дерева? Моя голова похожа на воздушный шарик, который сейчас лопнет.

Роло подумал, ухмыльнулся и покачал головой. Затем он встал, хрустнув коленями.

— О нет. Понимаешь, мистер Хеймер щедро заплатил за то, чтобы я с тобой разделался. «Хочу, чтобы это произошло в тихом месте, — сказал он. — И чтобы это было медленно. Очень медленно». Значит, так все и будет. Здесь ни души, так что никто твоих воплей не услышит — а вопить ты будешь, Рейнольдс, уж будь уверен. У меня есть нож, и я торопиться не стану. Буду резать тебя по-маленьку, отрезать от тебя кусочки, словно ты... словно ты... — Он нахмурился, пытаясь подобрать сравнение.

— Рождественская индейка? — подсказал ему Мэл.

— Точно! Словно ты — рождественская индейка. И это доставит мне огромное удовольствие.

— Я так рад это слышать. Приятно, когда человеку нравится его работа.

— О, Рейнольдс, я ее обожаю.

— Только тут одна загвоздка.

— Какая?

— У меня есть друзья.

— Как это мило. Они страшно расстроятся, узнав, что с тобой стало. — Роло поднес нож к животу Мэла. — Начать можно и отсюда.

Одним движением он отрезал от рубашки три пуговицы. Рубашка распахнулась.

— Лезвие сделано из лучшей стали с Реджины, — сказал Роло. — Я каждый день его натачиваю.

— И все же не забывай — у меня есть друзья.

— Ты твердишь про каких-то друзей, но я никого тут не вижу.

Роло притворился, будто смотрит по сторонам.

— Мои друзья не бросят человека в беде. Мои друзья всегда придут на помощь. То есть придут очень скоро. Совсем скоро. Типа, прямо сейчас. Ну пожалуйста!

— О, это так трогательно! — воскликнул Роло. — Ты умоляешь о помощи, хотя шансов на спасение у тебя нет.

Грохнул выстрел.

Роло согнулся и, шипя от боли, зажал ухо рукой. Затем отвел руку и посмотрел на ладонь: она была покрыта кровью. Одним пальцем он осторожно коснулся уха. У уха не хватало верхней части.

Роло посмотрел на Мэла:

— Какого...

Прозвучал второй выстрел.

Рука Роло взлетела к другому уху, которое тоже лишилось верхушки.

— Твою мать! — завопил он, оглядываясь. — Прекрати! Больно же, сука!

— Бросай нож, — рявкнул мужской голос откуда-то из-за кабриолета. — В правое ухо я попал, в левое тоже. Следующую пулю всажу между ними.

— Ладно, ладно. — Роло отпустил нож, и тот воткнулся в землю. — Я у тебя на мушке, так что сопротивляться не буду.

— Мэл? — спросил голос. — Ты выяснил все, что хотел?

— Ага.

— Тогда жить ему уже больше не нужно.

— Стой, стой! — крикнул Роло. Кровь текла у него по щеке с обеих сторон, поблескивала на бороде. — Что вам нужно? Деньги? Я дам вам денег — гонорар за это дело плюс десять процентов в качестве жеста доброй воли. Годится? А за это вы дадите мне уйти и больше меня не увидите.

Невидимый снайпер затих, словно обдумывая слова Роло, а затем сказал:

— Мэл? Нам нужна его платина?

ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

— Она бы нам пригодилась, — ответил Мэл.

— Она ваша, клянусь! — воскликнул Роло с абсолютно искренним видом.

— С другой стороны, — продолжил Мэл, — ты долго говорил о том, как будешь медленно меня убивать.

— Ерунда, я просто болтал! — испуганно пролепетал наемный убийца. — Я бы мигом тебя прикончил, честное слово.

— Какой ты добрый. Но вот беда: я тебе не верю.

— Богом клянусь!

— Из твоих слов я понял, что ты наслаждался бы, пытая меня, мерзкий садист.

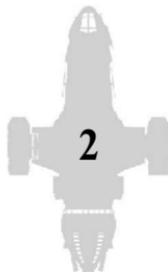
— Иногда приходится такое говорить... ну, чтобы создать определенный эффект, — сказал Роло, незаметно заводя окровавленную руку за спину. — Сам понимаешь, мне нужно выглядеть крутым и грозным. Мне нужно...

Не закончив фразу, Роло выхватил револьвер, который прятал в штанах, на поясице, и прицелился в голову Мэла, одновременно взводя курок.

Бах!

Роло упал навзничь: третью пулю снайпер, как и обещал, всадил между ушей. Теперь Роло лежал на спине в пыли, с отверстием на месте носа — и другим, более крупным отверстием в затылке.

Так погиб Дезмонд Роло, наемный убийца.

«Серенити» взлетел с поверхности Одессы на всех парах и за минуту разогнался до второй космической скорости.

В грузовом отсеке Мэл, Зои и Джейн делились друг с другом новостями. Ривер сидела на краешке мостика неподалеку и болтала ногами. К их разговору она, похоже, не прислушивалась: она смотрела в пустоту, что-то напевала себе под нос и наматывала прядь волос на палец.

— Хеймер? — спросила Зои. — Я так и знала, что рано или поздно все это дело нам аукнется.

— Ну да, — отозвался Мэл. — Кто бы мог подумать, что он разозлится, потеряв одну из своих драгоценностей?

— Ты сейчас про «Ласситер» или про ИоСаффБридж?

— Ну, ты же знаешь, как мужики привязываются к своим пушкам. Верно, Джейн?

— Это не стыдно, — ответил Джейн, обнимая свою любимую винтовку, которую он окрестил «Верой».

— Но в данном случае, — продолжал Мэл, снова переводя взгляд на Зои, — я про ИоСаффБридж. Пожалуй,

для этого грязного дела он мог найти кого-нибудь поумнее. Ловушка, которую подготовил Роло, была не слишком хитроумной. «Давай встретимся в избушке в глуши, только ты и я, и никого больше». Мы прекрасно понимали, что это подстава. Оставалось выяснить, кто ее организовал и зачем.

— Но, сэр, можно было придумать способ получше, — сказала Зои. — Чтобы вас меньше связывали и реже приставляли к вам нож.

— Я надеялся разговорить Роло старым испытанным способом — пригрозить ему пушкой. Именно такой был у нас план, помнишь? И я бы так и сделал, если бы представилась подходящая возможность. Откуда я мог знать, что этот *гэ чжень де хунь дань* подмешает мне снотворное?

Последствия этой встречи Мэл все еще ощущал — у него кружилась голова, а язык, казалось, стал шершавым.

— И откуда я мог знать, что он свяжет меня и отвезет в глушь, чтобы там убить? — продолжал он. — Хорошо, что рядом был мой ангел-хранитель. Кстати: неплохо стреляешь, Джейн.

— Всегда пожалуйста, — ответил Джейн.

— Но мне вот что любопытно: ты ведь с самого начала занял позицию рядом с избушкой. Так почему ты не уложил Роло, пока он нес меня к своему кабриолету?

— Я плохо его видел. Он взвалил тебя на плечо, и я не мог гарантировать, что не попаду в тебя. Кроме того, я не знал, проболтался он уже или нет. Я предположил, что нет, поэтому у меня оставался только один вариант — следовать за вами на «Муле» на безопасном расстоянии. А когда я вас догнал, Роло уже тебя подвел и начал размахивать ножом.

— А я был занят: заставлял его разговаривать, тянул время. Если бы не это, ты бы опоздал.

— Но в итоге тебе вреда не причинили, так?

— Ну, нескольких пуговиц я лишился... — Мэл уныло посмотрел на рубашку. — Да, пожалуй, жаловаться не на что.

— Самое обидное, что недавно я купил вот его, — Джейн похлопал по новенькому прибору ночного видения. — Надеялся, что смогу его испытать, но там было светло, и он не пригодился.

— Может, в следующий раз мне снова будут угрожать ножом, и тогда твоя мечта исполнится.

— Да уж надеюсь.

Мэл искоса взглянул на здоровяка. Сложно понять, когда Джейн Кобб хамит, а когда просто прикалывается.

— Но вот вопрос: что делать дальше? — спросила Зои. — Одного наемного убийцу Хеймер к тебе уже послал. Когда он узнает о провале, то, скорее всего, пошлет другого.

— Скорее всего, нет — когда увидит на своем крыльце вот это. — Мэл указал на алюминиевый контейнер размером с гроб. В контейнере лежали останки Дезмонда Роло.

— Хеймер — аристократ с Беллерофонта, — продолжил Мэл. — Сам нажать на спусковой крючок он боится, но с радостью заплатит тому, кто готов это сделать. Таким людям нужно показывать, к чему приводят их решения; они должны знать, как на самом деле выглядит убийство. Он откроет этот ящик, взглянет на простреленное тело Роло и все поймет.

— А если нет?

— Тогда то же самое случится с каждым стрелком, которого он наймет. В конце концов ему все станет ясно.

— Я не против, — заметил Джейн.

— Это риск, — сказала Зои.

— Рассчитанный.

— Все равно.

— Ну, такая уж у нас жизнь, Зои, — вздохнул Мэл, — сплошной риск, хоть рассчитанный, хоть нет.

Выйдя на мостик, Саймон услышал последние слова Мэла.

— Что за риск? — спросил он у Ривер.

Ривер подняла голову и посмотрела на брата.

— Мэл не возражает, если его попытаются убить.

Значит, она все-таки прислушивалась к разговору, хоть и — по своему обыкновению — рассеянно.

— Я совсем не об этом говорил, — возразил Мэл. — Если кто-то наставит на меня пушку, нож или любое другое оружие, то я, конечно, очень даже буду возражать. Похоже, что в последнее время это происходит все чаще, и я должен с этим смириться — даже если это мне не по душе.

— Так куда мы теперь отправимся? — спросил Саймон.

— На Беллерофонт, — ответила Ривер. — Мэл приготовил для Дюррана Хеймера подарок — труп, свеженький, только что с конвейера.

— Труп?

— Вон в том ящике.

— Серьезно?

— Я должен его убедить, — сказал Мэл.

— Знаешь, он ведь герой, — заметила Ривер.

— Ты мне льстишь, Ривер, — сказал Мэл. — Я бы не назвал свой поступок героическим. Смелым — возможно, но не героическим.

— Беллерофонт, — отозвалась Ривер. — Полубог из древнегреческого мифа. Сын Посейдона. Ездил на кры-

латом коне Пегасе. Убил Химеру — огнедышащее чудовище с головой льва, телом козла и хвостом змея.

— А. Этот.

— Ты про него слышал?

— Нет, но он, похоже, настоящий герой. Убивал монстров, и все такое.

— Но Беллерофонт, как и многие герои, зашел слишком далеко, — сказала Ривер. — Он возгордился, решил, что после победы над Химерой его место на горе Олимп, рядом с богами.

— У нас что, какая-то лекция про древние сказки? — спросил Джейн, в отчаянии качая головой.

Не обращая на него внимания, Ривер продолжила:

— Зевс послал муху, чтобы она жалила Пегаса в полете. Пегас сбросил Беллерофонта, и тот упал на Землю, приземлился в колючий куст и ослеп. Остаток дней он провел в одиночестве, униженный и жалкий. Боги карают людей, которые пытаются стать равными богам.

— И какова мораль этой истории? — спросил Мэл.

— А должна быть мораль?

— Ты, похоже, намекаешь, что я повинен в грехе гордыни.

— Нет, ни в малейшей степени. Но когда прилетим на Беллерофонт, будь готов грохнуться на землю.

— Что?

Ривер, сидевшая на мостике, посмотрела на Мэла сверху вниз. Поймав проникновенный взгляд ее огромных глаз, он почувствовал, что она знает больше, чем все остальные. Подобное ощущение возникало у него не раз, но не переставало его пугать. Ученые Альянса покопались в мозгах Ривер, подарили ей возможности, которые можно назвать сверхчеловеческими. Эти способности — телепатия, предвидение, невероятная боевая выучка — проявлялись постепенно, и сколько их у нее,

оставалось неясным. Однако за них пришлось дорого заплатить: Ривер стала ущербной, психически нездоровой. Иногда ее удивительный разум мог справиться с любой, даже с самой непреодолимой проблемой; но с такой же частотой он сам их создавал.

— Что? — переспросила Ривер.

— Нет, это я первым спросил: «Что?» Повторять за мной нельзя. Ты должна ответить на мой вопрос. Как я грохнусь на землю?

— Я так сказала?

— Ну вот, начинается, — заворчал Джейн. — Маленькая мисс Жуть пудрит нам мозги. Опять.

Что-то бормоча себе под нос, он вышел из грузового отсека.

— Ривер, — мягко сказал Саймон, — если ты знаешь, что произойдет, скажи нам.

Ривер недоуменно нахмурилась.

— А я знаю, что произойдет?

— На Беллерофонте.

— Беллерофонт. Полубог из древнегреческого мифа. Сын Посейдона. Ездил на крылатом коне Пегасе. Убил Химеру...

— Про это ты уже говорила. Можешь рассказать нам еще что-нибудь?

— Нет, Саймон, не думаю, — озадаченно ответила Ривер.

— Точно?

— Абсолютно.

Ривер словно не помнила то, что сказала всего полминуты назад. Скорее всего, она действительно это забыла. Внезапно Ривер вскочила и, хлопнув Саймона по руке, крикнула:

— Ты водишь! — и выбежала из грузового отсека.

Пожав плечами, Саймон отправился вслед за ней.

FIREFLY

— Я догоню тебя, Ривер.

— Не догонишь! — донесся ее певучий насмешливый голос. — У тебя никогда это не получается!

Мэл и Зои переглянулись.

— Что скажешь? — спросил Мэл. — Наш личный хрустальный шар нас о чем-то предупредил.

— Нужно быть готовыми к тому, что на Беллерофонте нас ждут неприятности — на тот случай, если Ривер попала в точку.

— Я тоже так думаю. Заметь, меры предосторожности следовало бы принять, даже если бы на борту не было мадам Нострадамус.

— Почему?

— Потому что у нас всегда неприятности, черт побери.

На самом деле, все обошлось: им улыбнулась удача, и никаких неприятностей у них не возникло.

Дюрран Хеймер владел одним из поместий, кластеры которых парили над морями Беллерофонта, благодаря комплексам конических антигравитационных генераторов. Эти дисковидные, практически неотличимые друг от друга поместья напоминали огромные листья кувшинок, подвешенные в воздухе.

Мэл и Зои посадили один из двух шаттлов «Серени-ти» на платформу, расположенную во владениях Хеймера, и торопливо вытащили из корабля контейнер, к которому Мэл прилепил бирку с надписью «Особый груз для мистера Хеймера — Совершенно секретно». Вскоре шаттл снова взмыл в воздух. Задерживаться не было смысла: заметив их, кто-то мог вызвать полицию.

Выглянув из окна кабины, Мэл увидел, как из особняка вышел человек — не Хеймер, а какой-то слуга в красивом жилете и фраке. Приложив ладонь к глазам, человек проследил за удаляющимся шаттлом, а затем обратил внимание на контейнер. Прочитав надпись на

крышке, он пошел обратно в дом — вероятно, за хозяином.

Мэл еле заметно улыбнулся. Когда Дюрран Хеймер откроет ящик, у него будет настоящий шок. Он без проблем поймет, от кого он и что он означает. Мэл надеялся, что Хеймер надолго запомнит этот урок. Раздражение, а может, отчаяние, заставило его — в сущности, законопослушного гражданина — зайти на неизведанную территорию, и Мэл, который действовал на ней каждый день, показал ему, насколько она опасна.

Они уже были на полпути к «Серенити», когда на связь вышел Уош.

— Мэл, входящее сообщение от некоего Станислава Лямура, — сказал пилот. — Переключить его на тебя?

— Ага, валяй.

Через секунду экран на консоли шаттла вспыхнул. На нем появилось исключительно красивое лицо Станислава Лямура.

— Капитан Рейнольдс, миссис Эллейн Уошберн.

— Мистер Лямур, — отозвался Мэл. — Давно не виделись.

— Привет, — сказала Зои.

Их первая и единственная встреча состоялась несколько месяцев назад на далекой пустынной планете под названием Фетида. Чтобы вернуть долг Инаре Серра, своей подруге, Лямур помог команде «Серенити» выбраться из переделки, прислав ей на выручку свою личную наемную армию. Лямур был человеком крайне редкого типа — честным богатым бизнесменом.

— Да, действительно, — ответил Лямур. — Хорошо выглядите, капитан.

— Вы тоже.

Это было не совсем так: Мэл прекрасно видел, что с Лямуром что-то произошло. Он вспомнил добродушного и учтвого человека, которого встретил на Фетиде — человека, который считал жизнь бесконечно приятной. А вот этот Станислав Лямур был совершенно другим, крайне мрачным.

— Чем могу помочь? — спросил Мэл. — Если вам нужна Инара, то вы, очевидно, не слышали, что она уже не с нами. Она вернулась в дом Мадрасса.

Эти слова он произнес дрогнувшим голосом. Инара покинула «Серенити» вскоре после событий на Фетиде. Причины этого Мэлу не были вполне ясны, но ему казалось, что они связаны с ним и с его дурацкой убежденностью, что между ним и Инарой ничего нет. Именно в тот момент, когда он уже собрался признаться ей в своих чувствах, Инара объявила ему, что уезжает. Вот это называется «не вовремя» — или, точнее, «откладывать все на потом».

— Но, может, вы к нам с деловым предложением? — с надеждой спросил Мэл.

— Нет, ваша догадка верна: это связано с Инарой, — ответил Лямур, — но совсем не так, как вы думаете. Капитан Рейнольдс...

— Зовите меня «Мэл».

— Хорошо, Мэл. Скажите, что вам известно о состоянии Инары?

Внутри Мэла что-то оборвалось.

— Что, простите? О каком состоянии?

— А... — Лямур помрачнел еще сильнее. — То есть вы ничего не знаете.

— Нет, я понятия не имею, в каком она состоянии, и я буду крайне вам признателен, если вы просветите меня на этот счет.

FIREFLY

— Мэл, я вынужден перед вами извиниться. Я думал, что она вам рассказала.

— Что. Она. Мне. Рассказала. — Слова Мэла летели в экран словно пули.

Лямур помедлил — очевидно, набираясь храбрости.

— Мэл, Инара умирает. У нее рак. Врачи говорят, что жить ей осталось не больше месяца.

У Станислава Лямура были дома во всех уголках галактики, и в том числе на Беллерофонте — в северо-западной части самого крупного из трех континентов планеты, посреди пятидесяти акров идеально благоустроенной земли стоял двухэтажный особняк, и, как оказалось, сейчас Лямур жил именно в нем.

Уош посадил «Серенити» на площадку в полумиле от дома. Рядом уже ждала автоматизированная транспортная капсула на магнитной подвеске, и как только Мэл залез в нее, она, жужжа, поехала по извилистой трассе, проложенной по лесистому участку.

При других обстоятельствах эта поездка доставила бы ему удовольствие. Деревья стояли в своих осенних нарядах; их красные, желтые и коричневые листья еще цеплялись за ветки, не желая падать на землю. Легкий ветерок заставлял ветки лениво раскачиваться. Мэл обожал осень, ее цвета и особую приятную грусть, которую она вызывала в нем.

Но не сегодня. Сегодня он не видел перед собой ничего, кроме медленного и неотвратимого угасания.

Вскоре капсула остановилась у дверей особняка. Дворецкий с важным видом проводил Мэла в огромный вестибюль, где уже ждал Лямур.

— Мэл. — Лямур протянул ему руку. — Рад вас видеть. Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах.

Его руку Мэл не пожал.

— Где она?

Лямур понимающе кивнул.

— Наверху, в комнате для гостей. Ее лечат лучшие онкологи, а сиделки ухаживают за ней круглые сутки. Я делаю все, чтобы сделать как можно более комфортными ее последние...

— Отведите меня к ней.

— Конечно, конечно. Сюда.

Они поднялись по большой лестнице, прошли по галерее, в комнаты, более просторные, чем большинство городских квартир. Бархатные портьеры и натертый до блеска паркет резко контрастировали с новой, суперсовременной медицинской койкой, отчего она выглядела еще более неуместной.

Койка, парившая в воздухе в полуметре от пола, ощетинилась мониторами и приборами. Со стоек, прикрепленных к ее раме, свисали мешки для капельниц, наполненные прозрачными жидкостями. Койка была немного наклонена — так, чтобы лежащий на ней человек мог смотреть в панорамное окно на стоящие посреди лужайки статуи, озеро и сад с искусно подстриженными деревьями.

Над кроватью склонилась сиделка, ухаживающая за пациентом. Увидев Мэла и Лямура, она отошла в сторону.

Мэл подошел к кровати. Теперь он уже не спешил. Он хотел увидеть Инару. Он не хотел увидеть Инару.

Она была одета в шелковое кимоно, на котором вручную были нарисованы цветы вишни. Ее лицо осунулось и приобрело землистый оттенок; губы пересохли и потрескались. Ее волосы утратили блеск и теперь стали тусклыми и ломкими, словно пережарили-поле.

Но она все равно была прекрасна.

Инара повернула голову на подушке и с трудом сфокусировала взгляд.

— Мэл? — хрипло, еле слышно произнесла она.

Мэл не мог говорить.

— Ты пришел, — сказала она и, собрав все силы, улыбнулась.

Мэл по-прежнему не мог вымолвить ни слова. У него в горле застрял комок.

— Я рада тебя видеть, — сказала Инара.

— Почему ты мне не сказала? — спросил Мэл, к которому наконец вернулся дар речи.

Он хотел, чтобы это прозвучало жалобно, но это было больше похоже на обвинение.

— Я пыталась, несколько раз, но не могла себя заставить.

— Но ты знала — с самого начала, когда впервые пришла на «Серенити», ты уже знала. Лямур мне сказал.

Мэл посмотрел по сторонам, разыскивая Лямура, но миллиардер и сиделка вышли из комнаты, чтобы не мешать Мэлу и Инаре.

— И Саймон говорит, что ты намекнула ему об этом, — продолжил Мэл. — Когда на «Серенити» взорвалась компрессионная спираль и у нас заканчивался воздух, он сказал что-то вроде «не хочу умереть на этом корабле», а ты ответила, что вообще не хочешь умирать. В то время он не обратил на это особого внимания, но теперь, когда он знает, что ты больна...

— Он понял, что я намекала на свою неизлечимую болезнь.

— Да. Но это был единственный раз, когда ты пыталась с кем-то об этом поговорить.

— Как там Саймон, кстати? — спросила Инара. — Он с Кейли наконец... ну, ты понимаешь.

— Нет, они не вместе.

Инара закатила глаза.

— *Тьен сяо дэ!* Ох уж эти двое. Они вообще не видят дальше своего носа. А остальные? Как дела у Зои, Уоша, Ривер... Я скучала по ним, даже по Джейну.

— Я здесь не для того, чтобы говорить о них.

Голос Мэла звучал все более сердито. Возможно, он действительно был рассержен.

— Если хочешь узнать, как у них дела, сама у них спроси. Только ты ведь их не пригласила. Сказала, что встретишься только со мной.

— Мэл... — Инара накрыла его ладонь своей — легкой словно воробушек. — Пожалуйста, выдохни, успокойся. Я не пригласила остальных, потому что не хочу, чтобы они видели меня такой. Пусть запомнят меня здоровой. И тебе я тоже не хотела показываться в таком состоянии, но Станислав убедил меня в том, что это нужно сделать. Но я смотрю на тебя и уже не знаю, прав ли он.

— Ладно, ладно...

Мэл попытался успокоиться. Его чувства сейчас не важны. Сейчас главное — состояние Инары.

— Просто я... Если бы я знал, это, возможно, что-нибудь изменило.

— Каким образом?

— Прежде всего я бы попросил тебя остаться на «Серенити». Я настоял бы на этом.

— Вот почему я ничего не сказала. Это было бы неправильно.

— Мы бы за тобой ухаживали, сделали бы все, что в наших силах. Это неправильно?

— Да, ты бы мне сочувствовал. И еще ты бы меня жалел, а жалости к себе я не потерплю ни от кого, а от тебя — тем более.

— Поэтому ты солгала — сказала, что возвращаешься на Синон, в дом Мадрасса. Ты заставила нас поверить в то, что мы недостаточно хороши для тебя, что ты стыдишься нас.

— Ты хочешь сказать «меня», а не «нас», да? Я почти уверена, что все остальные так не считали. И кроме того, я не солгала: я действительно вернулась в дом Мадрасса, хотя и ненадолго. Дело в том, что симптомы моего заболевания — миеломы Кила — можно сдерживать, по крайней мере поначалу. Есть лекарство, коктейль из ингибиторов протеасом и иммуномодуляторов, которое замедляет развитие болезни. Пока я была на «Серенити», я регулярно делала себе инъекции, и какое-то время этот метод работал.

— Я никогда не видел, как ты это делала.

— Думаешь, я стала бы тебе это показывать? Шприц я прятала и использовала его, только когда никого не было рядом. Но я знала, что вечно так продолжаться не может. Лекарства становились все менее эффективными, у меня болела голова, возникало головокружение, перед глазами все расплывалось. Такие приступы проходили, но постепенно они участились. Я знала, что скоро у меня начнутся обмороки. Именно так обычно протекает миелома Кила. Мои почки начнут забиваться, начнутся инфекции... и я уже не смогу скрывать свою болезнь, особенно от Саймона. Больше всего я боялась его — и его наметанного глаза. Однажды я чуть ему не проболталась, и была еще куча случаев, когда я успела вовремя прикусить язык. Возможно, мне было полез-

но поговорить об этом хоть с кем-нибудь из экипажа, и я знала, что Саймон будет соблюдать врачебную тайну.

— Ты могла бы довериться мне. Я бы сохранил твою тайну.

— Если бы я рассказала тебе, Мэл, об этом узнали бы все.

— Я бы ни единой живой душе не проболтался.

— Ты бы мог ничего не говорить — за тебя бы все сказало твое поведение. Ты бы по-другому со мной общался, ты был бы бережным, хмурым, печальным, чрезмерно заботливым — и остальные бы это заметили. Нет, я не хочу тебя обидеть. Ты бы просто не смог вести себя иначе.

Мэл подумал, что Инара права. Но это не значит, что она поступила правильно.

— Я должна была уйти, и все. Остаться на «Серенити» я не могла, ведь на корабле я стала бы обузой для всех. Я жалею только о том, что мы с тобой не расстались по-доброму, и о том, что не была честна с тобой. Но я не могла тебе об этом рассказать. Мне казалось, что так будет лучше. Если я причинила тебе боль, то от всего сердца прошу у тебя прощения.

— Ты думаешь... ты думаешь, что покинуть корабль без объяснения причин — это лучше всего? Чтобы я думал, что сам во всем виноват?

Внезапно Инара зашипела от боли. По ее телу прошла судорога, заставив Инару выгнуться дугой. Несколько приборов, встроенных в кровать, начали негромко попискивать.

— Инара? Инара!

— Все... все нормально, — ответила она, стиснув зубы. — Просто подожди... немного. Кровать... реагирует. Вот так. — Инара расслабилась и упала обратно на матрас. — Уже лучше. — Она подняла руку и показала

ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

ему трубку, по которой через канюлю в вену текла жидкость. — Анальгетик уже срабатывает. *Жень цы дэ фо цзу*, как хорошо. Обычно боль не очень сильная, но иногда бывают эти приступы...

— Инара...

— Мэл, пожалуйста, не надо этих больших печальных глаз. У меня все в порядке, честно.

— Нет, не все в порядке. Ты умираешь!

Гнев вернулся, он усилился, и ничто не могло потушить его пламя. Мэл был в ярости — не на Инару, а на себя, на судьбу, на проклятую болезнь, которая постепенно пожирала Инару.

— И это нормально, — ответила она. — Все умирают. Сейчас просто пришло мое время.

— Нет, нет. К черту этот буддийский *лэ сэ*.

Глаза Инары вспыхнули, и на миг она стала похожа на себя прежнюю.

— Не смей называть мою религию «мусором», Мэл. Не смей.

Он покаянно склонил голову.

— Да. Прости, — пробурчал он.

Инара смягчилась.

— Иногда нужно просто принять тот факт, что ты ничего не можешь сделать, что мир такой, какой он есть. Злиться на него, воевать с ним — бессмысленно.

— Злиться и воевать — это моя тема. Я всегда так делаю.

— Знаю, Мэл, и прошу тебя на этот раз действовать иначе — ради меня и ради тебя.

Они поговорили еще минут пять. Мэл поведал ей последние новости из жизни команды.

— Платины мало, — сказал он. — Работы тоже.

— То есть все как обычно.

Мэл заметил, что Инара устает. Говорить ей становилось все сложнее.

— Мэл... — сказала она наконец. — Я творила злые дела.

— Нет, Инара, это не так.

— Почему я ушла из дома Мадрасса. Фидлерс-Грин... Мой клиент проговорился, что повстанцы собираются атаковать базу в Фидлерс-Грин. Я подумала, что об этом стоит сообщить властям. Мне казалось, что так я предотвращу кровопролитие.

— Да, ты рассказывала.

— Я не хотела, чтобы все вышло вот так. Альянс провёл бомбардировку... уничтожил всю базу. Столько людей погибло... столько мирных жителей... Когда я в конце концов призналась тебе в этом, ты так разозлился.

— Знаю. Но сейчас не то время, чтобы осуждать себя.

— Потому что надо мной нависла смерть? Но если не сейчас, то когда?

— Вспомни свои добрые дела, — сказал Мэл, — а не свои ошибки. Подумай о том, как много ты значила для людей, о том, как ты делала их лучше.

— В том числе тебя?

— И больше всех меня. Правда, я никогда в этом не признаюсь.

— Не бойся, твою тайну я не выдам. Я заберу ее с собой в могилу.

Мэл увидел, что у нее уже слипаются глаза.

— Мне жаль, Мэл, — пробормотала Инара.

— Все нормально, — ответил он. — Просто спи.

— Мы с тобой... У нас с тобой могла быть...

— Знаю, Инара. Знаю.

Инара еще что-то сказала, но так неразборчиво, что Мэл не понял ни одного слова. Затем она закрыла глаза и уснула.

Он посидел у ее кровати еще полчаса, наблюдая за тем, как она спит, а затем вышел из комнаты. Ему хотелось кому-нибудь врезать. В коридоре стояла скульптура, трехмерная фигура из заплаток, видимо, сделанная из переработанного металла. Мэл не понимал, что она должна изображать — кошку на ходулях, пьяного жирафа? Его так и подмывало бросить ее на пол, растоптать, снова превратить в утиль.

— Пожалуйста, не надо, — сказал Станислав Лямур, подходя к Мэлу сзади.

— А?

— Это настоящий Оскар Наварре. Оч-ч-чень дорогой. Вы собирались сделать с ним что-то плохое.

— А вот и нет.

— И не вы первый. С творчеством Наварре связано множество скандалов. Одни считают его работы гениальными, другие...

— Другие уверены, что смогли бы за полдня смастерить такое у себя в сарае.

— Именно. Но это не мешает его работам уходить с аукциона за баснословные суммы. Вот эта называется «Редкая масть». Это своего рода каламбур. Видишь ли, это лошадь, сделанная из банок из-под мастики.

— А-а, лошадь. Ну, теперь, когда вы это сказали, я ее вижу.

Лямур сочувственно взглянул на него.

— Мэл, я все понимаю. Насчет Инары. Я чувствую то же, что и вы. Мы оба ее любим. Мы в ярости оттого, что с ней происходит. От таких мыслей хочется воевать против всего мира, но что хорошего из этого выйдет? Давайте лучше выпьем. У меня внизу есть бутылка «Цзиньсе де Мэнсян». Лучший односолодовый виски в мире.

— Мне не очень хочется пить.

* * *

Шесть больших порций виски спустя Мэл обнаружил, что его ярость превратилась в уныние. Такая вот магия бухла. Алхимия алкоголя.

— А ей точно нельзя помочь? — спросил он у Лямура.

Они сидели в бельведере — термин «беседка» казался недостаточно грандиозным термином для этой постройки, стоявшей на холме в полукилометре от дома. Под холмом в вечерних лучах солнца поблескивало озеро. Время от времени на поверхность, создавая круги на воде, поднималась золотисто-оранжевая рыба.

— Поверьте, Инару осматривали почти все специалисты галактики, — ответил Лямур. — Все твердят одно

и то же: грубо говоря, миелома Кила — это смертный приговор. Она влияет на производство клеток плазмы в костном мозге, заставляя их нападать на сам организм. Фактически она медленно превращает свою собственную кровь в яд. В наше время большинство миелом поддаются лечению — вот они, чудеса современной медицины, — но миелома Кила является одним из исключений. Она — смертельно опасная тварь.

— Жаль, что Инара не сопротивляется болезни.

Миллиардер удивленно посмотрел на Мэла.

— Вы в самом деле так думаете? Мэл, послушайте: с тех пор как Инара прибыла сюда, она каждый день боролась с болезнью. Я не видел другой женщины, которая бы так хотела жить. Лишь совсем недавно она смирилась с неизбежностью.

— Почему она вообще сюда приехала?

— Ну да, что у меня вообще есть, если не считать безграничного обаяния и огромного богатства?

— Я не хотел вас обидеть.

— А я и не обижаюсь, Мэл. Вы спрашиваете, почему Инара выбрала именно Станислава Лямура, чтобы он заботился о ней и был с ней в последние дни ее жизни. Почему не кого-то другого? Почему не вас?

Мэл пожал плечами.

— Не обязательно меня. Капитан «Светлячка» вряд ли может конкурировать... ну, вы понимаете... вот с этим. — Он обвел рукой окрестности. — Но ее принял дом Мадрасса, даже после всего, что произошло, — Фидлерс-Грин, нарушенная клятва компаньонки и так далее. Это удивительно, но они все-таки взяли ее к себе. Она же могла остаться там, верно?

— Неприязнь, которую испытывали к ней другие компаньонки, не исчезла окончательно. Там она не чувствовала себя уютно. Инара хотела оказаться там, где ее

не будут безмолвно осуждать, где нет атмосферы ханжества. Она знала, что я могу дать ей все это. Получив ее сообщение, я бросил все и отправился за ней.

— Поймите меня правильно, я благодарен вам за это, но...

— Мэл... — Лямур похлопал его по руке. — Я знаю, как много вы значите для нее, а она — для вас. Инара часто мне об этом рассказывала. Кто знает, как могло обернуться? Но главное то, что вы к ней приехали. У вас был шанс попрощаться. Я надеюсь, что вы помирились.

* * *

Пока транспортная капсула везла Мэла обратно к шаттлу, он рыдал, он выл, он бил себя кулаками по ногам с такой силой, что на бедрах остались синяки.

Когда капсула подъехала к посадочной площадке, он вытер слезы и взял себя в руки. Капитан Малькольм Рейнольдс. Человек, который не сдается. Человек, которого не сломить.

Он приготовился к шквалу вопросов. Он ждал, что его спросят про Инару. Просила ли она что-нибудь передать команде? Смогут ли они увидеть ее позже? Неужели у нее нет шансов поправиться?

Одного он не ожидал...

Слабого, мерцающего лучика надежды.

Пока Мэл был в доме Станислава Лямура, Зои отправила «волну» другому бывшему члену команды — пастору Дерриалу Буку, чтобы сообщить новость об Инаре.

Бук поселился на Хейвене, одной из лун Дедвуда, чтобы проповедовать слово Божие жителям маленькой колонии. Он сказал, что жизнь на «Серенити», полная опасностей, заставила его усомниться в вере. Еще он сказал, что у него темное прошлое и он боится, что из-за этого команде «Серенити» может грозить опасность. На Хейвене, по его словам, он будет жить тихо и выяснит, сможет ли снова услышать тихий голос Господа.

— Ужасная новость, — сказал Бук Зои. — Бедная Инара. Я буду молиться за нее.

— Это ей не повредит, — ответила Зои.

«Если Бог нас слышит и в настроении творить чудеса, то пусть поторапливается, черт побери», — подумала она, но говорить это вслух не стала.

— Я за всех нас буду молиться. Часто друзьям умирающего тяжелее, чем ему самому: ты знаешь, что больше

никогда его не увидишь, и тебе приходится жить с этим знанием.

— Но при этом вы утешаетесь мыслью о том, что он будет смотреть на вас с небес?

— В общем, да. Но смерть не зря называют «величайшей тайной в мире».

— Пастор, у меня такое чувство, словно вас одолевают сомнения.

Бук вздохнул:

— Зои, когда ты задаешь вопросы о вере, ты не подрываешь ее основы, а, скорее, испытываешь ее, проверяешь, устоит ли она. И особенно это справедливо в том случае, когда человек, которого ты любишь, которым ты восхищаешься, находится на последнем этапе своей жизни — и более того, уходит до срока. Ты говоришь, что у Инары рак?

— Да. Жуткий.

— Не уверен, что бывают хорошие виды рака.

— Вы понимаете, о чем я. Он называется «миелома Кила». Я посмотрела про нее в «кортексе»: она совершенно неоперабельна.

— Хм... — Взгляд Бука стал задумчивым.

— Что это значит? — спросила Зои.

— Совершенно неоперабельна, говоришь?

— Так утверждают все источники, которые я нашла. Саймон тоже так считает. Он говорит, что миелома Кила — я цитирую: «одна из самых коварных и агрессивных видов раковых опухолей». Ее можно лечить, но нельзя победить.

— Возможно, это не совсем так, — ответил Бук, тщательно выбирая слова.

Зои показалось, что в ее сердце что-то шевельнулось — что-то нежное и трепетное словно бабочка.

— Пастор, пожалуйста, пожалуйста, не говорите, что ее можно вылечить. Она неизлечима, и утверждать обратное просто нечестно.

— Зои, я не хочу внушать тебе ложную надежду, но...

— «Но»?

Немного помолчав, Бук ответил:

— Есть один человек — врач-онколог, своего рода новатор. Я недавно читал, что он изучал наиболее опасные виды рака и вроде бы добился определенных успехов. Кто-то даже утверждал, что этот врач создал универсальный метод лечения тех видов рака, бороться с которыми до сих пор не получалось.

— И в том числе миеломы Кила?

— Этого я не знаю. Но если исходить из названия «универсальный метод», то, видимо, да.

— А кто он, этот врач?

— Его зовут... Как же его зовут? — Бук нахмурился, сиюсь вспомнить. — Вот она, старость... Память у меня уже не та... Эсо Вен! Точно, Эсо Вен.

— И где же искать этого доктора Эсо Вена?

— В этом все и дело: его уже давно не видели. По слухам, он проводил свои опыты незаконно, нарушая правила Медицинской ассоциации Альянса. Более того, я слышал, что за это его посадили в тюрьму.

— В тюрьму?

— Подробностей я не знаю. Полагаю, существуют строгие правила насчет того, когда можно и когда нельзя испытывать на людях вакцины, противоядия и прочие средства. Похоже, что доктор Вен данные правила нарушил и поплатился за это.

— Какой срок он мог за это получить?

— Сложно сказать. Думаю, это зависит от того, участвовали ли люди в экспериментах по доброй воле или

нет. Если они сами дали на это согласие и он просто нарушил медицинский протокол, тогда срок не должен быть очень большим.

— То есть он мог уже выйти на свободу, — сказала Зои.

— Кто знает? — ответил Бук. — Вполне возможно и то, что доктор Вен — просто шарлатан, который рискует жизнью и здоровьем своих подопытных.

— Но вы думаете, что его стоит разыскать?

— Я думаю, что о нем, по крайней мере, стоит навести справки.

Зои улыбнулась. Бабочка, хотя все еще крошечная и нежная, танцевала в ее сердце. Бук не подарил Зои чудо, но что-то очень на него похожее.

— Пастырь, я благодарю вас. От всего сердца.

— Не стоит благодарности, Зои. Передай от меня горячий привет твоему мужу и остальным членам экипажа. И держи меня в курсе того, как будут идти поиски Вена. А если вдруг будете в системе Синего Солнца и окажетесь рядом с Хейвеном...

— Мы непременно вас навестим.

— Буду рад — при условии, конечно, что это будет обычный визит, а не жуткая чрезвычайная ситуация.

— Чрезвычайная ситуация? У нас?!

Они оба рассмеялись, и Зои разорвала связь.

Зои сразу открыла «кортекс», чтобы разузнать побольше о докторе Эсо Вене. Добытые сведения подтвердили слова Бука. Онколог. Исследует неизлечимые виды рака в частной лаборатории, которую спонсируют различные благотворительные организации. Сообщество врачей считает его лжеученым, а его методы — нетрадиционными и практически безответственными.

ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

И да, суд и приговор.

Пожизненное заключение.

Когда Зои прочитала это, ее брови поднялись почти до линии роста волос. Если бы они могли сдвинуться еще выше, они бы точно это сделали, когда Зои узнала, где именно Вен отбывает срок.

— **П**овтори, — сказал Мэл.
Зои перехватила его у дверей «Серенити», чтобы сообщить о разговоре с пастырем Буком и о том, что ей удалось накопать в «кортексе».

— Атата, — сказала она.

— Планета-тюрьма Атата?

— А что, есть другие?

— Нет, я просто... Атата?

— Можешь спросить еще раз, но ответ будет тот же, — сказала Зои. — Все источники утверждают, что Вен находится именно там.

— *Да сян бао чжа ши ла ду цзы*, — выдохнул Мэл. — Обледеневшая планета, настоящая адская дыра. Не то место, где рассчитываешь увидеть врача. Закоренелых преступников — да, но только не ботаника в белом халате. Ну, разве что он — чудовище, мерзкий извращенец. В этом все дело, да? Он младенцев резал, что ли?

— Подобные ужасы нигде не упоминаются. Пишут только, что его обвинили в проведении незаконных экспериментов.

— В ходе которых он мог резать младенцев.

— Бук сказал, что Вен проводил опыты на людях без разрешения.

— При этом он все равно мог резать младенцев.

— А может быть, Вен просто испытывал свое универсальное лекарство на добровольцах, но не оформил все документы. Судя по всему, он человек непредсказуемый, так что это вполне в его стиле.

— Если все это просто проблема с бумажками, то какого хрена его отправили на Атату?

— Я пыталась это выяснить, найти стенограмму его судебного заседания, но ее засекретили. Суд прошел при закрытых дверях.

— Это дельце начинает как-то странно пахнуть, — сказал Мэл. — Если Альянс судит человека, но не делает это открыто, создается впечатление, что все это липа, что человека упекли ни за что.

— Очень даже может быть.

— Иными словами, Вен, похоже, разозлил какую-то крупную шишку, и было решено его проучить — в наказание остальным.

Зои закатила глаза.

— Сэр, вы такой циничный.

— Ну, Зои, мы ведь живем в циничной галактике, — сказал Мэл и театрально вздохнул. — По-твоему, нам нужен Вен?

— Вряд ли пастырь упомянул о нем, если бы не думал, что нам стоит обратиться к Вену.

— Но как мы до него доберемся? Если предположить, что мы решим до него добираться.

— Отличный вопрос, — заметила Зои. — Не говоря уже о том, чтобы вывезти его с Ататы. Просто приземлиться там уже непросто, особенно если это нужно сделать незаметно и аккуратно. На орбите постоянно

висят корабли федералов. Разрешение на взлет и посадку выдают только они, а если его нет, то тебя разносят в щепки.

— Да, да, все это я уже знаю.

— Я вот что хочу сказать, Мэл: я знаю, что ты любишь головоломные задачи, но есть сложные дела, а есть безумные.

— Стоит разузнать побольше о Вене, — сказал Мэл. — Например, выяснить, псих ли он или серьезный ученый.

— Возможно, в этом нам поможет док.

* * *

Саймона они нашли в столовой: он с Ривер готовил суп, в который они положили последние оставшиеся на борту овощи. Саймон помешивал суп, а Ривер резала овощи, орудуя ножом с пугающей скоростью и точностью. Морковь за пару секунд превратилась в пригоршню оранжевых дисков, и каждый кусочек был такой же толщины, как и все остальные — до миллиметра.

— Эсо Вен? — переспросил Саймон. — Имя знакомое. Кажется, пару лет назад я читал о нем в «Хронике Гиппократы». Он работал над чем-то, стимулирующим рост клеток и эндогенным восстановлением тканей с помощью искусственных микроорганизмов-иммуномодуляторов.

Зои ошеломленно покачала головой, услышав столько научного сленга. Мэл тупо посмотрел на Саймона.

— Это вирусы-роботы, которые могут починить в теле человека все, что угодно, — объяснила им Ривер, словно малым детям.

— А-а, — протянул Мэл.

— Суперсовременная методика, — добавил Саймон. — Она произведет революцию в медицине, если данный метод вообще удастся применить.

— По-вашему, это невозможно?

— Я слишком мало знаю, чтобы рассуждать об этом. Тут проблема вот в чем: Вен не опубликовал по этой теме ни строчки — и не позволял коллегам рецензировать его данные. Поэтому сообщество врачей стало относиться к нему с подозрением, и не зря. Каждый может заявить о том, что в одном шаге от великого открытия, но если проверить результаты нельзя, то ценность твоей работы равна нулю: кто знает, может, ты просто «куличики» у себя во дворе лепил? Кстати, не был ли Вен недавно замешан в каком-то скандале? Вроде его судили? Я что-то припоминаю.

— Да, судили, по ложному обвинению, — ответила Зои. — По крайней мере, так кажется, если читать между строк.

— Какого рода обвинения?

— Незаконное проведение экспериментов, нарушение правил Врачебной ассоциации Альянса. Так говорит Бук. «Кортекс» на этот счет ничего не поясняет.

— Пастырь Бук?

— Я отправила ему «волну».

— Седовласый, здесь его уже нет, — пробормотала Ривер и двумя ударами ловко разрешила картофелину на четыре части.

— Тогда, — сказал Саймон, — я, пожалуй, должен задать следующий вопрос: почему вас заинтересовал именно Эсо Вен?

— Из-за Инары, глупыш, — ответила Ривер.

— Из-за Инары? — переспросил Саймон, и тут до него дошло. Он посмотрел на Мэла. — По-вашему, доктор Вен может вылечить миелому Кила?

— А вы думаете, что нет? — спросил Мэл.

— Понятия не имею. С одной стороны, он похож на сумасшедшего и на жулика. С другой стороны, если он

действительно создал искусственные иммуномодулирующие микроорганизмы...

— Исцеляющие робо-вирусы, — пояснила Ривер.

— Спасибо, Ривер, — ответил Мэл. — Я с первого раза все понял.

— Тогда, — продолжил Саймон, — в принципе, они вполне могут подействовать и на миелому Кила. Но я должен сказать, что мы сейчас хватаемся за соломинку. Нет, я, как и все, не хочу, чтобы Инара умерла, но если мы возлагаем надежды на неиспытанный, непроверенный вид терапии, которого, возможно, вообще не существует...

— Док, — сказал Мэл, — если у вас есть идея получить, я с удовольствием ее выслушаю.

— Поверьте, я бы с радостью ее вам изложил, но у меня ее нет.

— Так я и думал. Лично у меня нет обширных познаний в области медицины, но я знаю одно: если есть хоть малейший шанс, что доктор Вен изобрел вирусы, которые могут вылечить рак Инары, то мы должны найти его и убедить поделиться с нами этими вирусами.

— Все это весьма похвально, но...

— Стоп. — Мэл поднял руку. — Погодите, Саймон. Тут дело не в похвалах, а в том, чтобы вырвать Инару из лап смерти. Ради этого я готов на все — даже отправиться в самый зад галактики — и мне хотелось бы думать, что вы настроены так же.

— Я не говорил, что не собираюсь помогать, — возразил Саймон. — Но что это за «зад галактики»? Насколько я помню, доктор Вен занимался исследованиями в частной лаборатории где-то в системе Красного Солнца.

— Уже нет, — ответила Зои. — У него действительно была лаборатория на Гринлифе, но она сгорела дотла. Предположительно, кто-то поджег ее незадолго до того,

ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

как Вена арестовали. По слухам, лабораторию спалил он сам.

— Почему?

— Не знаю.

— Но где он сейчас, если не на Гринлифе?

— Ну, тот судебный процесс, о котором вы упоминали... — сказал Мэл. — Для него он закончился не очень удачно.

— В результате он оказался на Атате, — подвела итог Зои.

— Атата... — отозвался Саймон с ноткой сомнения в голосе. — Но ведь туда отправляют только самых отъявленных мерзавцев, стопроцентных подонков. Их высаживают там и оставляют на произвол судьбы. Никаких тюремщиков, никакого надзора, только выживание сильнейших.

— Более того, вся планета покрыта льдом.

— Да, с терраформированием там «не сложилось». На Атате круглый год зима — повсюду, кроме экватора, но даже там температура почти не поднимается выше нуля.

— Планету назвали в честь одного из Восьми холодных адов буддизма, — добавила Ривер. — Звучание слова напоминает стук зубов. Остальные семь холодных адов — это Арбуда, где холодный ветер сдирает с тебя кожу; Нирарбуда, где происходит то же самое, но ты не можешь оттуда вырваться; Хахава, где...

— Атата — тоже не курорт, это точно, — прервал ее Мэл, не давая ей огласить весь список. — Но, — добавил он решительно, — именно туда мы отправимся.

— **В**от так, значит? — Саймон вопросительно посмотрел на Мэла. — Вы приняли решение.

— Точно. Прямо сейчас, — ответил Мэл. — Приземляемся на Атате, находим Вена, берем его и валим ко всем чертям.

— А у остальных разве нет права голоса?

— Нет. Мой корабль, мои правила. Если вам это не по душе, можете сойти.

— Но это... Вы же знаете, что мы с Ривер не можем просто... — Саймон собрался с мыслями. — Мэл, я просто должен сказать, что это не лучшая из ваших идей. Минусов у вашего плана значительно больше, чем плюсов.

— Жалуйтесь сколько влезет, но я уже все решил.

— Я не жалею, а просто объясняю, что ваш план с большой долей вероятности приведет к провалу. Более того, данная затея, скорее всего, безнадежна. Но если вы настаиваете, то... — Саймон мужественно вздохнул, — то я в деле.

— Рад, что вы со мной согласны.

Мэл знал, что Саймон уступит — и на него даже не придется давить. Брата и сестру Тэмов разыскивали федералы, и лучшим — а возможно, и единственным — убежищем для них был «Серенити». Корабль никогда не задерживался на одном месте, и поэтому властям Альянса было сложно их выследить. Недостаток данного варианта заключался в том, что Саймону и Ривер приходилось соглашаться с любым предложением Мэла.

— Я тоже в деле, — сказала Ривер. Крутанув кухонный нож на кончике пальца, она подбросила его в воздух, поймала и одним ударом разрешила цукини на две части. — Хотя ты меня об этом и не просил.

— А остальные? — спросил Саймон с видом человека, который пытается сохранить лицо. — Они согласны?

— Давайте спросим их, послушаем, что они скажут. — Мэл включил интерком и вызвал Джейна, Кейли и Уоша в столовую.

Когда все собрались, он быстро ввел их в курс дела.

— Это доктор Вен, — сказал Мэл, показывая фотографию, найденную в «кортексе».

На фотографии был изображен мужчина средних лет с всклокоченными черными как смоль волосами. Под его глазами висели мешки, словно он постоянно страдал от усталости. Он производил впечатление человека умного, но слегка оторванного от мира.

— Я не прошу разрешения отправиться на его поиски, — продолжил Мэл. — Просто хочу получить согласие.

— Зои? Полагаю, ты согласна, — сказал Уош.

— Да, — ответила Зои. — Насколько я понимаю, у нас два варианта: мы можем сидеть на попе ровно и ждать, пока Инара умрет, или — как сказал Саймон — ухватиться за соломинку. Я предпочитаю что-нибудь сделать, даже если это ни к чему не приведет.

— Тогда я в деле, — сказал Уош. — Если Зои что-то хочет, значит, этого хочу и я.

— Мой мужчина — он такой. — Зои обняла его одной рукой и поцеловала. — Вот почему я тебя люблю.

— И вот почему ты до сих пор меня не убила.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Мэл повернулся к Кейли:

— А ты?

Кейли выглядела бледной и выжатой как лимон. Известие о том, что у Инары рак, так опечалило Кейли, что она почти перестала покидать машинное отделение. Копание в механизмах «Серенити» всегда ее успокаивало.

Теперь же на ее лице застыла маска предельной решимости.

— Когда вылетаем?

— Молодчина! — воскликнул Мэл. — Джейн?

— Выполнимые дела от безумных затей отделяет тонкая грань. И тот, кто пытается вытащить заключенного с Ататы, эту грань переходит.

— То есть ты отказываешься.

— Не факт. Насколько я понимаю, у тебя есть план.

— Плана пока нет, только наметки.

— Твой план включает в себя опасности и насилие?

— Надеюсь, что нет, но ты же знаешь, что обычно случается с планами.

— С твоими планами чаще, чем обычно.

— Не думал, что тебя напугают опасности и насилие.

Огромный наемник выпрямился во весь рост.

— Не пугали, и не будут пугать. От Инары я не видел ничего, кроме добра.

— Вот это похвала, — пробурчал Уош, обращаясь к Зои.

— Шлюхе нужно дать шанс, — сказал Джейн.

— Компаньонке, — поправила его Кейли.

— Без разницы. — Джейн пожал плечами. — Давайте попробуем. Выясним, где грань между реальностью и безумием.

— Значит, единогласно, — сказал Мэл. — То есть если вы уже перестали влиять, док.

— Я же сказал, что я в деле, — сказал Саймон. — Но давайте сразу проясним одну вещь. Вы предлагаете устроить побег из тюрьмы.

— Ага.

— С планеты-тюрьмы, которую, если я правильно помню, патрулируют корабли Альянса.

— Ага.

— И нет никаких гарантий того, что доктор Вен еще жив. Он — медик; всю жизнь он смотрел в микроскоп и работал с центрифугами. Посмотрите на его снимок: вряд ли такой человек готов — физически и морально — жить бок о бок с агрессивными уголовниками. Один из них, вероятно, решил, что Вен — легкая добыча, напал на него и ударил самодельным тюремным ножом... как там он называется?

— Заточка, — вставила Ривер.

— И зарезал его.

— Пырнул.

— А ты неплохо разбираешься в тюремном жаргоне, Ривер, — заметила Зои.

— Никогда не знаешь, когда он пригодится.

— Вполне вероятно, что Вен уже умер, — подвел черту Саймон, — и, значит, наша затея становится еще более сумасбродной. Может, лучше отправимся на Гринлиф и поищем собранные им данные?

— Его лаборатория сгорела, помните?

— Но, возможно, копии записей он хранил где-нибудь еще — дома, например. Гринлиф — куда более ци-

визированная планета, чем Атата, и она... ну, вы понимаете... не обладает качествами планеты-тюрьмы.

— Да, эта мысль приходила мне в голову, — ответил Мэл, — и да, такой вариант значительно проще. Но даже если мы получим результаты его экспериментов, насколько легко нам будет в них разобраться и изготовить эти вирусы? И под «нами» я имею в виду вас, Саймон.

— Пожалуй, я мог бы это сделать, — ответил Саймон. — Все зависит от того, насколько подробными окажутся записи. Кроме того, мне понадобится оборудование.

— И даже если у вас будет все необходимое, сколько времени у вас на это уйдет — дни, недели?

Саймон печально покачал головой:

— Скорее, месяцы.

— У Инары их нет.

Кейли всхлипнула.

— Нет, док, время на исходе, — сказал Мэл. — Нравится вам это, или нет, но Атата — наш единственный шанс. Мы, конечно, не сможем просто явиться туда, разузнать все у первого попавшегося и свалить вместе с Веном. Это — одна из тех операций, где нужно действовать более тонко. Кроме того, в ней должны участвовать вы, док.

— Я? — спросил Саймон, указывая на себя.

— Вы.

— То есть я должен высадиться на Атате и действовать наравне со всеми.

— Именно так.

— Но почему?

— Потому что Вен — врач, и вы тоже.

— Какая связь?

— Вы поможете нам его найти.

ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

— Вы думаете, что мы, медики, чувствуем друг друга на расстоянии, что у нас есть «врач-радар», который пищит, когда рядом коллега?

— Нет, — ответил Мэл. — Но давайте вообразим себе худший вариант развития событий. Допустим, Эсо Вен умер. Возможно, он привез с собой что-то на Атагу — то, что позволит нам разобраться в его результатах. Может, он даже взял с собой эти вирусы. Вы обладаете знаниями, которые помогут нам выяснить, что к чему. Вы — наш туз в рукаве.

Саймон посмотрел на всех остальных и задержал свой взгляд на Кейли.

Она умоляюще улыбнулась ему.

— Пожалуйста, Саймон. Капитан прав. Тебе нужно это сделать.

Похоже, эти слова стали решающими.

— Ну хорошо, — со вздохом сказал Саймон.

Кейли подошла к нему и, встав на цыпочки, чмокнула его в щеку.

— Спасибо.

Румянец не сходил со щек Саймона еще несколько минут.

Командор Виктория Левайн, капитан корабля «Бдительный», всегда действовала строго по инструкции. На корабле у нее царила железная дисциплина, идеальная чистота и порядок. Форменный мундир Левайн выглядел безупречно — ни одной ниточки не на своем месте, ни одной оторванной пуговицы. Ее жизнь с точностью до секунды соответствовала корабельному расписанию, и к экипажу она предъявляла такие же высокие требования, как и к себе самой. То что их отправили на окраину галактики охранять планету-тюрьму, не значит, что можно бездельничать.

«Бдительный» был одним из четырех корветов Альянса, патрулировавших окрестности Ататы. Каждый из этих больших кораблей класса «Шершень» день за днем, месяц за месяцем двигался по заранее установленному маршруту, проложенному в определенном квадрате в окрестностях планеты. Маршрут никогда не менялся.

Работа была несложная, даже скучная, и командор Левайн знала — другие команды считали, что зря теряют

время. Члены экипажей слонялись без дела, расстегивали воротнички, сидели, положив ноги на панель управления, и постоянно играли в «старшую карту», поручив управление автопилоту. Хуже всего был экипаж «Свободного». По слухам, они даже пили на посту.

Но подчиненные Левайн такого себе не позволяли. Они получили задание, и, видит бог, это задание будет выполнено.

Поэтому когда на сканерах «Бдительного» появился транспортный корабль, направляющийся к Атате, Левайн начала действовать строго по программе контактов — как учили. Приказав открыть общий канал связи с чужаком, она заговорила самым холодным и властным тоном:

— Это командор Виктория Левайн, я нахожусь на мостике космического корабля Альянса «Бдительный». Я обращаюсь к кораблю класса «Светлячок», приближающегося по курсу два-девять-шесть. Пожалуйста, назовите себя.

«Светлячок» был еще слишком далеко, чтобы разглядеть его невооруженным глазом; он казался точкой среди звезд. Внешние камеры «Бдительного» нацелились на него; его изображение — поначалу трясущееся и размытое, затем устойчивое и четкое — появилось на экране Левайн.

Командор Левайн зацокала языком. Настоящая развалюха. Ржавые полосы и вмятины по всему корпусу. Похоже, в космос этот корабль вывели с огромным трудом.

— Повторяю: корабль класса «Светлячок», пожалуйста, назовите себя.

Все равно тишина. Командор Левайн нахмурилась. Может, он сбился с пути? Она не знала, по какой причине «Светлячок» подошел к Атате, но должна была счи-

тать его действия подозрительными. Она ведь охраняет не какую-то сельскохозяйственную коммуну, а планету, на которой живут тридцать пять тысяч маньяков, вырожденков и отморожков. Ее долг — следить за тем, чтобы они оставались здесь, и защищать от них галактику.

— Повторяю в последний раз: корабль класса «Светлячок», назовите себя или я буду вынуждена открыть огонь.

— Э-э... да... привет, — зазвучал голос в динамиках. — Говорит капитан... Малькольм. Капитан Рэй Малькольм.

— Пожалуйста, включите видеосвязь.

Левайн предпочитала видеть своих собеседников. Ей нравилось смотреть им в глаза и по взгляду понимать, что за человек перед ней.

Секунду спустя на экране появилось лицо. Симпатичный мужчина, лохматая челка, блеск в глазах. Ее собеседник выглядел дерзким.

А дерзких Левайн не любила.

— Капитан Малькольм.

— Здравствуйте, командор... Левайн, да? Как вам случится во флоте Альянса?

Левайн не нравилось терять время на обмен любезностями.

— Я попросила вас назвать себя. Сделайте одолжение.

— Не вопрос, — ответил Малькольм. — Мой корабль — «Транквилити». Мы везем припасы в исправительное учреждение №23.

Левайн быстро открыла список грузовых кораблей и вполглаза просмотрела его.

— Капитан Малькольм, в моей базе данных нет ни вас, ни вашего судна.

Она незаметно подала знак офицеру по управлению оружием. Он немедленно активировал все четыре орудия, подвешенные к корпусу корабля, и навел их на «Светлячок», который продолжал приближаться.

— По этой причине, — продолжала Левайн, — я предлагаю вам повернуть обратно. Эту просьбу я повторять не буду. Если вы ее не выполните, то по законам Альянса я буду вынуждена открыть огонь на поражение.

— Вам стоит обновить базу данных и проверить еще раз, — ответил Малькольм. Он все еще улыбался, но в его голосе зазвучала раздраженная нота, словно он хотел сказать, что техника — да и люди — не являются непогрешимыми. — Не могу поверить, что нас там нет.

Командор Левайн была уверена в своей правоте — ведь она никогда не ошибалась, — но тем не менее она, недовольно поморщившись, снова заглянула в расписание.

Вот он. Как она сразу его не заметила? «Транквилити». Капитан: некий Рэймонд Малькольм. Должен прибыть сегодня, практически сей же час.

— Ну хорошо, капитан, — сказала она, всем своим видом показывая, что просить прощения она не собирается. Слово «извините» в ее лексиконе отсутствовало. — Оказывается, вы все-таки в списке. Передайте ваши коды доступа.

— Передаю.

Консоль Левайн громко пискнула: корабельный компьютер получил коды доступа, и они оказались действительными.

Левайн нажала несколько клавиш, чтобы открыть файл с грузовой декларацией «Транквилити». Корабль вез протеиновые батончики, моющие средства, кухон-

ную утварь и одеяла. И действительно, все это добро предназначалось исправительному учреждению №23.

Ее взгляд зацепился за первую строчку декларации.

— Ваш корабль принадлежит «Лямур лайнс», — сказала она.

— Точно, — ответил капитан Малькольм. — Мы с гордостью летаем под флагом Лямура.

— Не обижайтесь, но его корабли обычно чуть более...

— Чистые? Красивые? Изящные?

— Ну да.

— Нас часто об этом спрашивают. Дело в том, что за последнее время Станислав Лямур купил много дочерних компаний и объединил их под брендом «Лямур лайнс». Мы — независимые подрядчики, которые внезапно начали работать на больших парней. Для нас это огромный шаг вверх, и мы делаем все, чтобы не разочаровать. Кстати, мы были бы страшно вам благодарны, если бы вы дали нам зеленый свет. Тогда мы сможем продолжить путь и доставить товары на планету. Время — деньги, и все такое.

Левайн помедлила. Все факты насчет «Транквилити» подтвердились, и, кроме того, «Лямур лайнс» была уважаемой транспортной компанией, услугами которой часто пользовался Альянс.

И все-таки какой-то внутренний голос, а может, инстинкт, требовал от Левайн быть начеку. Тут что-то не чисто, и этот капитан Малькольм похож на пройдоху.

— Ваши документы, похоже, в порядке, — сказала она после паузы. — Можете двигаться дальше.

— Это весьма любезно с вашей стороны, командор Левайн.

— Высылаю вам координаты места посадки.

Малькольм посмотрел на свою панель управления.